

Насу

茄子

научно-фантастическая повесть

Насу

Наиболее жесткие ограничения сосредоточены не в области средств и методов достижения наших целей, а в сфере языка, при помощи которого мы определяем для себя эти цели и ищем для них инструменты. [...] Похоже, эти языковые пределы не зависят от уровня развития нашей цивилизации, выступая своего рода константой в онтологии нашего самоопределения.

“Sermo ontologicum”, Brian Nasu (茄子)

Глава 1. Сеть, разорванная уловом

В самом центре небольшого города, в переулке, стиснутым двумя бизнес-кварталами, доживало свои последние годы белое двухэтажное здание давно устаревшей архитектуры. Непрактично узкое, кажущееся из-за этого длиннее, чем было на самом деле, оно прятало от глаз прохожих свой обветшалый фасад под кронами липовых деревьев, словно сознавая свою дряхлость и невозможность соответствовать современным критериям городской эстетики.

Как бы в издевку над этой старостью, лишенной возможности апеллировать к архитектурной или исторической ценности, фасад здания был испещрен яркими логотипами дюжины фирм, офисов и представительств, вгрызшихся в его утробу и занявшим все свободные щели – подобно тому, как паразиты захватывают ослабевшее от бремени лет тело. Каждое утро, с понедельника по пятницу, юркие тела бизнесменов просачивались внутрь здания и разбредались по узким жилам-коридорам, активируя калориферы или кондиционеры, включая освещение, выковыривая по пути из холодильника вчерашние бутерброды, и в конце концов присасывались к своим рабочим местам в предназначенных для них офисных каморках. С их приходом воздух внутри помещений густел, в нем появлялись характерные для деловой суеты потоки, завихрения и воронки, поднимавшие со стеллажей и полок астматические клубы офисной пыли, которая теперь до конца рабочего дня будет медленно плавать под высокими потолками с несовременными скругленными сводами, создавая иллюзию, что внутри старинного дома еще теплится жизнь.

Возможно, эта иллюзия была последней силой, удерживающей здание от разрушения – если бы не возня офисного персонала и регулярные ремонты, учиняемые постоянно сменяющимися арендаторами, оно бы рассыпалось от старости, так как давно уже держалось на гипсокартонных переборках и армированных укреплениях, которыми предприимчивые менеджеры нашинковали старые квартиры и тесные коридоры, на стеклопакетах и оконных решетках, превративших некогда уютные окошки бывших гостиных, спален и кухонь в уродливые армированные бойницы.

Когда-то картина была совсем другой. Когда-то в этом здании жили состоятельные люди – уважаемые граждане и их семьи, а сам дом считался известным и престижным жильем, так как располагался в самом центре города, на аристократической и оживленной улице, в модном и престижном районе. За свою почти вековую историю в нем успело появиться и вырасти не одно поколение добропорядочных буржуа. Сотню лет их семьи несли на своих плечах бремя среднего класса, шлифуя и совершенствуя ритуалы выживания, процветания и продолжения собственного рода,

трепетно заботясь о том, чтобы передать потомству накопленный багаж – как часть наследства, основную долю которого составляло право на этот дом. Их подростки отпрыски, в свою очередь, с воодушевлением подхватывали эстафету – семьи росли, пускали ветки потомства, изредка позволяя выгодные прививки со стороны. Благосостояние жильцов престижного дома неуклонно росло, за укреплением материального положения следовал подъем интеллектуального уровня жильцов и их эстетических потребностей, а дом оставался тем же, каким был построен десятки лет назад. Очень долго культурная эволюция жильцов выражалась в изменениях интерьера и стилях обстановки, но наконец наступил момент, когда жильцов уже не удовлетворяла замена олеографий на стенах и герани на подоконниках на плазменные панели и автоматизированные жалюзи – люди поняли, что дом безнадежно устарел и больше не соответствует их потребностям.

Среди обитателей дома начался исход. Один за другим семьи стали избавляться от прежнего жилья, отдавая предпочтение статусному коттеджу в пригороде или компромиссному решению в многоэтажных ульях современных новостроек. Освободившуюся жилплощадь тут же занимали предприимчивые бизнесмены, каждый из которых, словно подчиняясь осященному веками регламенту, повторял одну и ту же последовательность шагов: ремонт, установка броской вывески, выплата процентов банку, продажа офиса следующему владельцу...

Не прошло и нескольких лет, как из здания окончательно выветрилась атмосфера семейного уюта и домашнего очага, ее место заняли сухая бумажная пыль договоров, озон ксероксов и прагматичный бубнеж конторских работников. Алебастровая лепнина, дубовый паркет и веселенькие мещанские обои спрятались под гипсокартонным минимализмом офисных интерьеров, бухгалтерских стеллажей, директорских кресел и китайских кофемашин, оставив между ними ровно столько места, сколько было необходимо для доукомплектования интерьера офиса молодыми дипломированными выпускницами бизнес-курсов с профессиональными улыбками недорогих офисных содержанок.

Теперь с заходом солнца свет в окнах здания уже не зажигался, как сотню лет назад, когда семья садилась на ужин за большим столом, уставленным семейным серебром, между которым в толстых подсвечниках возвышались медленно оплывающие восковые свечи, или как пару десятилетий назад, когда перед большим экраном телевизора собирались наследники этого серебра, чтобы сообща посмотреть сериал и обсудить поездку на курорт; теперь с наступлением вечера свет в здании гас, иногда даже не успев зажечься – ни один из регулярных посетителей этого дома не желал оставаться в нем ни минуты дольше того времени, которое было регламентировано его служебными обязанностями.

В сущности, дом давно уже был мертв. Он еще сохранял форму, но это была форма фаршированной мумии, муляжа, и это было понятно каждому, кто имел смелость не обманывать себя, и кого не могли ввести в заблуждение деловая суэта и офисные страсти, кипевшие в стенах этого здания каждый рабочий день (иногда захватывая и ночное время, если какая-то из офисных дев пыталась форсировать свой карьерный рост)...

Впрочем, к такому выводу можно было прийти лишь при взгляде извне. А изнутри – с точки зрения самих работников офисов – дом представлял собой уютное, благоустроенное и респектабельное место, полностью соответствующее своему назначению и гарантирующее грамотно поставленному бизнесу успех и процветание.

Черный фургон с тонированными стеклами сбавил скорость и осторожно повернул в переулок, не доезжая до здания несколько метров. Прошелестев низко склонившимися ветками по матовой крыше, успевшей за недолгую поездку раскалиться от лучей полуденного солнца, фургон сбавил скорость и осторожно повернул в переулок. Стоявшая на перекрестке девица с обильным, но несколько запылившимся макияжем, проводила машину ленивым взглядом, рефлекторным движением готовясь бросить окурок ей вслед. Вспомнив в последнее мгновение, что сигарета электронная, она

ограничилась плевком и вернулась к работе, поправляя свободной рукой чулок, тарифная сетка которого, укрупняясь по вертикали, на самом верху увенчивалась двумя разорванными ячейками.

Проехав еще немного и обогнув здание с арьергарда, машина остановилась напротив служебного подъезда, недалеко от двери, украшенной полинялой табличкой “пожарный выход”. Одна из дверей фургона тихо съехала вбок и двое человек, облаченных в униформу спецподразделения киберполиции и вооруженных MP5, мягко прыгнули из салона на истоптанную траву. Один из них сразу подошел к двери, проверил замок, после чего поднял два пальца, обтянутые кевларовой перчаткой, и произнес в микрофон шлема:

– Не раньше, чем войдем в холл. По моему сигналу.

После этого оба быстрым шагом направились по переулку, из которого приехал автомобиль, дошли до перекрестка, обеспокоив своим возвращением девицу, но затем, к ее облегчению, свернули в другую сторону.

Около минуты фургон стоял, не подавая никаких признаков жизни, когда внезапно все его двери с лязгом распахнулись, из них вывалилось полдюжины бойцов, которые, пригнувшись, быстрым бегом устремились к служебному входу. В пару секунд они достигли двери, рывком распахнули ее, пропустили вперед двух штурмовиков со щитами, затем плотной очередью ворвались в узкий коридор, рассредотачиваясь по офисным отноркам с тесными кабинетами, по пути охлестывая испуганный офисный планктон резкими:

– Всем встать! Руки с клавиатур! Ты – к стене!

Сопrotивления не было – если бы оно случилось, это бы всех немало удивило и, вероятно, даже обрадовало. Через полминуты все стихло, штурм был завершен. Видимо, об этом в фургон поступил очередной сигнал, потому что из него показался невысокий мужчина лет тридцати пяти, одетый в клетчатую рубашку, неряшливо заправленную в джинсы. Поправив очки, он выбрался наружу и, не спеша, направился к двери, в которой только что скрылись силовики. На первой же развилке коридора его встретил один из спецназовцев и молча указал пальцем направление. Тот кивнул и повернул в указанный кабинет.

Здесь его ждали двое бойцов, поднявших со своих рабочих мест офисную челядь, внешний вид которой выдавал принадлежность к бухгалтерии и финансам. У стены, туго охваченные брендовыми кардиганами и трепеща мелкой целлюлитной дрожью, теснились две перепуганные пятидесятилетние девочки, а напротив них, сложив руки на затылок, хотя его об этом никто не просил, стоял плотный мужчина в роговых очках на изможденной физиономии, судя по табличке на его столе – финдиректор конторы.

Один из бойцов его негромко о чем-то спросил.

– Что? – мужчина обернулся, испуганно блеснув очками из-под потной подмышки.

– Я спрашиваю, где сисадмин или главный инженер? – повторил силовик вопрос.

– В серверной... там только сисадмин.

– Достаточно его, – негромко сказал молодой человек в джинсах, – где это?

– Рядом, направо... – финдиректор закашлялся и для верности указал носом.

Молодой человек направился в серверную, услышав напоследок, как сзади скомандовали:

– Можете сесть. Ничего не трогать!

Через минуту он оказался в полутемном помещении, в котором на многочисленных стеллажах, окутанное толстыми связками кабелей, помигивало светодиодами серверное оборудование под монотонный шум десятков вентиляторов, а косые лучи солнца, пробивающиеся из-под полуприкрытых жалюзи, подсвечивали лениво плывущую по воздуху пыль. В воздухе стоял спертый запах нагретой электроники, разбавленный кислыми нотками фастфуда, в которых острый букет восточных специй тщетно пытался оттенить амбре чего-то невыносимо дешевого и бессмысленно кошерного. Запах шел

из раскрытой картонки с остатками ланча, лежавшей на подоконнике и наполовину заслоненной спиной бледного бородатого юнца. Его близорукие глаза не отрывались от дула автомата стоявшего рядом спецназовца. Судя по всему, это и был сисадмин.

Боец посторонился, отходя в сторону и показывая сисадмину рукой, чтобы тот освободил место для вошедшего. Оба отступили в тень, в то время как мужчина, для которого атмосфера помещения, похоже, была привычной, быстро сориентировался в обстановке, расположился за консолью и ограничился одной-единственной репликой:

– Руты на систему.

После того, как он получил доступ, в помещении серверной восстановились прежние звуки – никто больше не проронил ни слова, прежний гул вентиляторов теперь перемежался негромким быстрым стаккато клавиш под пальцами мужчины. Сисадмин, успевший освоиться с первым испугом, пару раз попытался скосить глаза на манипуляции, которые осуществлял этот человек, однако каждый раз в поле его зрения оказывался лишь фрагмент черной униформы бойца и неприятно реалистичное дуло автомата – до этого знакомое сисадмину лишь по играм-шутерам. Сейчас его рифленая геометрия воспринималась им с каким-то странным ощущением, которое заставляло его задерживать дыхание и быстро возвращало взгляд обратно к стене – туда, где ему оставалось лишь наблюдать за тем, как под самым потолком маленький паучок неторопливо подбирался к попавшей в его сеть мушке. Мушка всеми силами боролась за жизнь и пыталась освободиться, отчаянно растягивая крылышками налипшую на них паутину... Похоже, она была обречена.

Прошло немало времени, по ощущениям сисадмина, прежде чем сидевший за консолью обернулся к бойцу и произнес:

– Готово. Передай, что здесь всё.

Немолодой уже разносчик пиццы притормозил самокат у роскошной, украшенной мрамором, лестницы, соскочил с него, профессиональным жестом на лету подхватил плоскую картонку со стилизованным изображением выпавшего из окружности сектора, и быстрым шагом направился по ступенькам к стеклянным дверям парадного крыльца. Весь его вид и торопливость движений свидетельствовали о том, что он отчаянно спешит, возможно, даже опаздывает – стараясь удерживать коробку в горизонтальном положении, он стремительно лавировал между прохожими, то и дело посматривая на часы и морщась от того, что они ему показывали. Изнутри здания за его эволюциями равнодушно наблюдала старушка-консьерж, сидевшая в чистом и хорошо освещенном вестибюле, не отвлекаясь при этом от флегматичного превращения мотка пряжи в замысловатую сеточку ажурной ерунды при помощи вязального крючка и листочка с формулами, лежавшего перед ней на журнальном столике.

Наконец курьер достиг дверей, распахнул их и, задыхаясь от спешки, бросил с порога:

– Номер 713, седьмой этаж, ещё у себя?

Задавая этот вопрос, и ни на секунду не прекращая свой бег, он лишь повернулся к консьержке лицом, на котором даже ее подслеповатые глаза без труда могли прочесть выражение крайнего отчаяния опаздывающего человека.

Консьерж на мгновение задумалась и неуверенно кивнула головой:

– Кажется, никуда не выходил.

– О, слава богу! – переводя дух, воскликнул курьер. – Ну и денек, нигде не успеваешь...

И, мастерски балансируя на бегу картонкой, завернул за угол к лифту, не оставив ей времени даже на то, чтобы присмотреться к его бейджику с названием фирмы. Консьерж несколько секунд боролась между чувством долга, обязывающего её к удовлетворению профессионального любопытства, и

сознанием того факта, что в данном случае это было бы лишней суетой, но тут двери лифта раскрылись и поглотили курьера, избавив ее от этой дилеммы.

На седьмом этаже курьер вышел уже менее торопливым шагом, стараясь ступать как можно тише. Картонкой он уже не балансировал, а зажимал её вертикально под мышкой левой руки, в то время как правой пытался на ходу достать что-то из-за пояса. Высматривая нужный номер, он прошел мимо каких-то бездельников, стоящих у выхода на техническую лестницу – парочка корпоративных щеглов в модных жилетках и при галстуках заигрывала с девицей постпубертатного возраста, которая театрально заламывала руки, до локтей покрытые татуировками, и трясла волосами, украшенными густыми дредами. Компания также не обратила на него никакого внимания, поглощенная болтовней и смехом.

Наконец, курьер остановился под искомой дверью. Зачем-то осмотревшись по сторонам, он постучал в нее и произнес голосом, в котором не оставалось уже никаких следов спешки:

– К вам курьер! Разрешите?

С этими словами он развернул картонку, извлек из нее KRISS Vector 45-го калибра и негромко щелкнул раскладным прикладом. После этого в его левой руке оказалась прищепка с микрофоном портативной рации, которую он прикрепил на лацкан одним коротким профессионально отлаженным движением.

За дверью не отзывались. Курьер выждал паузу, постучал еще раз и повторил:

– Откройте, Брайан, – интонация этой реплики была уже далека от первоначальной просьбы.

Внутри опять никак не отреагировали. Курьер еще раз посмотрел по сторонам пустого коридора и негромко произнес в рацию:

– Форсирую вход.

Он извлек из кармана устройство для взлома замков и, чуть отстранившись от двери, плотно прижал его к замочной щели. Раздался небольшой хлопок, сопровождаемый сухим треском, эхо которого быстро затихло в глубине коридора, не потревожив никого из постояльцев – даже смех молодежи у лестницы не прервался ни на секунду.

Курьер распахнул дверь и, придерживая оружие стволом вниз, проскользнул внутрь, пытаясь на ходу сориентироваться в сумраке помещения, все окна которого были закрыты глухими шторами. Наконец он одной рукой нащупал выключатель и номер осветился. Помещение было абсолютно пусто, если не считать мебели и разнообразной мелкой утвари, большая часть которой, похоже, была собственностью владельца жилого комплекса, но не арендатора номера. Самого жильца не было. Курьер метнулся в ванную комнату, пощупал мыло и потрогал рукой краны, заглянул на кухню и открыл холодильник – все, что он обнаруживал, говорило ему, что совсем недавно, максимум день назад, здесь жили люди. Он вернулся в комнату и, уже не спеша, направился к кожаному дивану, в который торцом стеклянной столешницы упирался элегантный журнальный столик. Мужчина присел на диван, опустил свое оружие и, наклонившись, задумчиво провел пальцем по поверхности стола. Пыли на пальце почти не было.

– Упустили, – сказал он в негромко лацкану костюма.

На этих словах в дверях показалась та самая тройца молодых людей. Никто из юнцов уже не смеялся. Один из них, войдя в номер, сверлил растерянным взглядом стены, словно пытаясь разглядеть под обоями спрятавшегося жильца, другой заискивающими глазами ловил взгляд начальника, а вошедшая последней девица недоумевающе бормотала, в отчаянии заламывая руки:

– Мы вели его двое суток... не отлучались ни на минуту... Куда он мог?..

Она не замечала, как ее пальцы, унизанные разноцветными кольцами, то нервно переплетались, то хватались за запястья, превращая паутину модных татуировок в размытую мешанину клякс.

Генерал не сомневался, что придет на встречу первым – почти все политики, с которыми он сталкивался по роду службы, считали проявление пунктуальности скорее уроном своей репутации, чем ее утверждением. Поэтому он немало удивился, открывши дверь и обнаружив, что внутри уже сидят двое.

Одного из них генерал видел в первый раз. Это был седеющий мужчина за пятьдесят, штатский, полноватую фигуру которого обтягивал дорогой пиджак, далекий, впрочем, от нормированных фасонов высшей политики. Другого, бывшего полной противоположностью штатского, генерал знал очень хорошо, потому, что последние несколько лет работал под его руководством. Это был высокий мужчина, лет на десять старше собеседника, подтянутый и элегантно одетый в костюм такого покроя, который обычно встречается на снимках первых лиц государства, всегда при этом оставаясь на заднем плане и вне главного фокуса. Это был первый советник президента, Уинстон Кларк, и, несмотря на то, что с недавних пор они с генералом стали обращаться друг к другу по имени, генерал не ощущал от этого большого облегчения.

Генерал быстрым шагом пересек половину конференц-зала, не без удивления отмечая про себя, что помещение, в котором проходила их встреча, было практически не освещено – горели лишь лампы над столом с собравшимися, оставляя большую часть пространства во мраке.

Генерал едва успел поздороваться, как Уинстон уже представлял их друг другу:

– Нил Торрес – наше ведомство решения вопросов... – Уинстон сделал хорошо рассчитанную паузу, – в последней инстанции.

Незнакомец привстал, чтобы генерал мог пожать его мягкую ладонь.

– Тайлер Мун – у него в подчинении тоже небольшая армия, но... нерегулярная и совсем иного рода, чем у тебя, Нил.

– То есть?

– А вот пусть мистер Мун сам даст определение, – усмехнулся советник.

Мужчина пожал плечами, затем обаятельно улыбнулся и ответил:

– Что ж... если проводить такую аналогию, я бы, скорее, назвал своих людей вольнонаемными мушкетерами, которые “дерутся лишь для того, чтобы драться”, – его речь была быстрой, дикция хорошо поставленной и вообще он производил впечатление человека, умеющего подать себя. Видя, что генерал в недоумении, он продолжил: – Мои солдаты – это ученые, творческие люди... ну, а наш противник – все, что представляет научный интерес.

Торрес кивнул головой, догадавшись, что перед ним руководитель какой-то исследовательской группы, одной из тех, которые работают над секретными проектами правительства. Но что этот человек делает здесь, на этой встрече, на которой генерал готовился отчитываться перед советником о причинах провала одной из операций? За десятилетия службы Нил приучил себя сдерживать эмоции, но в этот раз его брови сами поднялись. Впрочем, вопрос был достаточно уместен, чтобы его не скрывать.

Советник улыбнулся, видя его замешательство, и произнес тоном, в котором деловые нотки уже начинали доминировать над условностями этикета:

– Все объяснения сейчас будут.

Он положил на стол электронный планшет, но не спешил активировать его. Советник президента избегал использовать бумажные документы, предпочитая делиться информацией с экрана устройства или путем адресной отправки выборочной порции данных – но лишь тогда, когда ее можно было зашифровать электронным ключом. Во всех остальных случаях он излагал ее в очной беседе.

– Пожалуй, я начну со вводной информации, поскольку мистер Мун абсолютно не в курсе тех операций, в которых вчера твои люди принимали участие, – и он посмотрел на генерала.

“Ну, так и есть, не ошибся, – пронеслось у того в голове. – Сейчас огребем по полной программе. Но все равно не понимаю – при чем тут этот Мун? Обычно нам за наши промахи шею мылят без свидетелей... Или это новомодная головомойка – по научной методике?”

Тем временем Уинстон продолжил:

– Впрочем, для всех будет лучше, если я изложу не только события последних дней, но и то, чем они были вызваны, потому, что мистер Мун ничего о них не знает, а генералу известно все, кроме их подоплеки. Пришла пора раскрыть скобки.

Он включил планшет и негромким спокойным голосом начал объяснять, время от времени иллюстрируя свой рассказ скользящими по экрану фотографиями.

Несколько недель назад в ряде молодежных интернет-форумов и групп соцсетей появился короткий рассказ. Ничем не примечательный, абсолютно проходной по форме и сюжету, рядовой представитель художественной чепухи, которой непризнанные графоманы и литературные аматоры ежедневно наполняют помойки интернета. Подобно всем им, он, безусловно, быстро ушел бы на дно, затерявшись в цифровой макулатуре вместе с сотнями тысяч подобных произведений, если бы не одно обстоятельство: каждый, прочитавший этот рассказ, вскорости начинал обнаруживать у себя странные идеи и неожиданные суждения. При этом самым необычным в них оказалось не их содержание, и даже не то, что все они были очень похожи друг на друга, а то, что ни одна из этих идей не содержалась в самом рассказе.

Сперва этот текст ни для кого не представлял интереса по вполне естественным причинам – его заурядность не заслуживала ничего иного. Но стоило двум-трем форумчанам поделиться друг с другом ощущениями, испытанными ими после его прочтения, как они обнаружили странное сходство в возникших у них образах и мыслях. Когда они стали обсуждать это в том же самом форуме, интерес к тексту тут же вырос, что сразу расширило его аудиторию.

– По причинам, которые вам скоро станут понятными, содержание этого текста мы пока оставим за рамками нашей беседы, – предвосхитил вопрос слушателей Уинстон.

Наконец, наступил момент, когда сам рассказ оформился в виде некоторого топика, собравшего под собой несколько десятков дискусионеров. Его стали рекомендовать друзьям, включился эффект вирусного распространения – пока ещё не очень широкого и ограниченного небольшим ареалом тематических форумов, однако достаточно заметного, чтобы на него сработали алгоритмы государственного мониторинга.

– Думаю, нет смысла говорить о том, как много полезной информации мы получаем благодаря автоматическим фильтрам, обрабатывающим весь открытый трафик сети – новости, комментарии, дискуссии... – Уинстон главным образом адресовал эту реплику Тайлеру, в то время как у генерала промелькнуло: “Да чего уж там, не только открытый...”

Тайлер кивнул и советник продолжил рассказ.

Ввиду некоторых нюансов самого эффекта текста, а также особенностей молодежного сленга, на котором происходило его обсуждение, на треды в первую очередь отреагировали фильтры наркоконтроля – самые продуктивные по своим результатам в данной социальной группе. После автоматической выборки топика с упоминанием странного текста быстро оказались на экранах соответствующих специалистов. Ознакомившись с обсуждениями текста, те единодушно вычеркнули тему из юрисдикции отдела по борьбе с наркотиками, однако – в целях перестраховки и снятия ответственности – отфорвардили её группе по борьбе с киберпреступлениями. Началась обычная бюрократическая игра, у которой были все шансы закончиться пасом за пределы поля и закономерной ничьей: в отделе киберпреступлений, получив от наркоконтроля этот материал, решили, что над ними смеются, и уже готовы были похоронить всю эту выборку в архиве... Но тут один из работников решил

самостоятельно ознакомиться с текстом. Не прошло и суток, как он потребовал срочного рапорта “навех”. Через день информация была на планшете советника.

– Дальше все развивалось очень быстро, – сказал Уинстон Кларк. – Оказалось, что текст на самом деле вызывает странные эффекты: каждый, кто полностью прочитал его, скоро обнаруживал у себя что-то вроде мысленного образа... или, может, убеждения или проверенного знания – наверняка можно сформулировать лучше, я не психолог. Содержание этого образа также довольно странное, какие-либо выводы о нем делать рано, потому, что всё, что мы пока имеем – это впечатления подростков, изложенные в довольно примитивных идиомах, поскольку большей частью они используют стандартизированный молодежный сленг и популярные в их среде клише. Если их отзывы окультурить, то суть ощущений сводится примерно к следующему: *“без всяких таблеток и прочей химии, на одних только описаниях окружающих предметов, воображаемый мир можно сделать реальнее самой реальности”*. Прошу не забывать, что это обработка совокупности мнений, полученных из молодежной среды – оригинальный материал здесь лучше вообще не озвучивать.

– Но в целом, как я понимаю, у всех впечатления сводились именно к этому мотиву? – спросил Тайлер.

– Да, в этом нет сомнения. Его можно считать общим центром, от которого равноудалены все индивидуальные формулировки. Наш работник, решивший прочесть текст, обеспокоился именно потому, что его собственные ощущения странно совпадали с описаниями из форумов. Причем, подчеркну это особенно, с этими описаниями он ознакомился *после* прочтения текста, – Уинстон выделил слово “после”. – В общем, мы решили заняться этим феноменом. На это были как минимум две причины... – тут советник сделал паузу, посмотрел на стену отсутствующим взглядом и продолжил: – У нас есть расхождения в оценке их приоритета. Первая причина – общественный резонанс. Молодежь просто играет с текстом, она относится к нему так, как привыкла относиться ко всему вокруг, оценивая все по шкале “прикольности” и “крутизны”, и не задумывается над последствиями или содержанием того, что их развлекает. Для нее эффект забавен исключительно как очередная игрушка, дающая трендовую тему для болтовни. К сожалению, однако, текст успел просочиться на такие ресурсы, которые посещают куда более серьезные и прагматичные люди – журналисты, стримеры и прочие любители привлекать к себе внимание, используя любую популярную в данный момент тему. Кое-кто из них, ощутив на себе обоснованность эффекта, уже попытался разыграть сенсацию. Пока это еще не успело привлечь к себе большого внимания – мы своевременно приложили усилия для сдерживания этого потока, но, если тенденция сохранится, рано или поздно эту плотину прорвет.

Тут до генерала дошло, что было главной целью во вчерашнем захвате хостинг-компании.

– Но это лишь первая причина. Я назвал ее первой не потому, что считаю ее самой важной, хотя такое мнение у нас, к сожалению, весьма распространено, – советник вздохнул с выражением, которое хорошо известно каждому, кто хотя бы раз в своей жизни побывал под начальством человека, пишущего *“интелект”* и объявляющего это корпоративной нормой. – Есть и вторая, и я ее считаю куда более важной. Она заключается в самом тексте, в том эффекте, который он производит. Это... очень странный эффект.

Советник замолчал.

– Источник текста найден? – спросил Тайлер, показывая, что он умеет схватывать главную суть.

– Мы быстро вычислили исходную точку его появления, она оказалась в нашем адресном пространстве. Вчера мы взяли под контроль серверы, где этот текст обнаружился, – советник чуть заметно кивнул в сторону генерала. – Конечно, это не остановит его распространение, но есть надежда, что наши специалисты смогут определить автора вброса.

После этих слов Уинстон подался назад и произнес:

– Однако все это имеет вторичное значение, – он обращался конкретно к Тайлеру, – для вас сейчас главное – сам текст. Эффект, который он производит, механизм, который за этим эффектом стоит, возможности его применения, угрозы, вытекающие из них – вот, что приоритетно. И ответы на все эти вопросы придется искать вам. Точнее – той группе людей, которую вы соберете в кратчайшие сроки. У вас широкая сеть знакомых в среде ученых, мобилизуйте лучших специалистов, которые могут потребоваться для анализа этого текста. Без каких-либо ограничений.

Тайлер кивнул.

– Единственный наш лимит – это сроки, – продолжил Уинстон, – про другой аспект также забывать нельзя: общественный резонанс на этот текст предсказать никто не берется. Если то, с чем мы столкнулись, не фикция и не какой-то трюк, то время работает против нас. И, к сожалению, не только время.

Тут советник повернулся к генералу.

– Нил, речь пойдет о Брайане, которого твои люди вчера упустили.

Генерал подобрался и спокойно ответил:

– Да, мы его упустили, – и после короткой паузы добавил: – Уже второй раз.

Это было предвосхищение слов Уинстона, поэтому тот ограничился тем, что пододвинул планшет к себе и посмотрел на генерала, давая понять, что ждет объяснений.

– В моей практике подобного еще не было, – не спеша, начал генерал, – чтобы штатский так долго водил за нос профессионалов. Я не собираюсь оправдываться, но при других обстоятельствах я бы уже предположил, что где-то у нас утечка информации, которой он пользуется. Дважды ему удавалось улизнуть из моих сетей буквально через несколько часов...

– При других обстоятельствах, Нил, – перебил его советник, – я бы это так и назвал: попыткой переложить ответственность. К сожалению, у твоей версии больше оснований, чем тебе кажется.

Не ожидавший подобного развития событий генерал замолчал.

– Скажу больше, – продолжил Уинстон, – возможно, это было нашей ошибкой – не предоставить твоему ведомству полное досье на человека, за которым вы следили последние месяцы. Впрочем... у нас были на это свои причины.

Он тронул экран планшета и на нем показалась фотография мужчины лет сорока, снятого в полный рост – невысокого, худого и слегка сутулого, с короткой стрижкой и седой бородкой гоати, одетого в кожаный плащ и фетровую шляпу, из-под которой выглядывали настороженные глаза.

– Брайан Насу, – сейчас Уинстон обращался к Тайлеру, так как генералу это лицо было хорошо известно, – полагаю, вы о нем не слышали. Хотя, номинально, он ближе, если можно так выразиться, к вашей епархии, чем к ведомству генерала.

Тайлеру лицо на экране было совершенно незнакомо. Чуть разведя ладони, он спросил:

– Насу? Он араб?

– Нет, ударение на первый слог, – поправил его Уинстон. – Кажется, кто-то из его предков имеет японские корни.

Советник тронул фотографию на экране и ее заменил текст.

– А теперь прошу внимания, – сказал он тоном, дающим понять, что информация, которая последует после этих слов, никогда больше повторена не будет.

Человек, которого безуспешно пытались поймать люди из ведомства генерала, уже несколько месяцев находился в фокусе внимания двух служб – центра противодействия терроризму и внутреннего отдела безопасности госдепартамента. Несмотря на то, что он не совершил никаких терактов, не был связан, насколько им удалось установить, ни с одной из террористических организаций, до последнего времени важность его обнаружения и поимки была крайне высокой.

– А в свете последних событий, – добавил от себя советник, – этот вопрос стал еще актуальнее.

Персональное дело Брайана давало портрет самого заурядного человека: средний ученый с дипломами по психолингвистике и социологии, который последние несколько лет изучал влияние языка на эволюцию социума, занимая при этом скромную должность в одном из провинциальных университетов. Судя по некоторым сведениям, полученным, в основном, из неполных публикаций и бесед с его знакомыми, ему удалось обнаружить какие-то новые корреляции между динамикой изменения языка и макро-событиями в среде его носителей.

– Тут нужно понимать, – прокомментировал изложение дела советник, – что в оценке работ Брайана, мы вынуждены в значительной мере полагаться на его собственные слова и отзывы его знакомых, с которыми он делился своими результатами. Дело в том, что его работа не дошла до стадии публикации по причинам, о которых будет сказано дальше.

Брайан знал, что не открыл Америки, говоря о наличии тесной связи между лексиконом, стилистикой речи, частотными доминантами и прочими параметрами живого языка – и событиями, которые случаются в мире его носителей. Он сделал акцент на другой стороне явления – Брайан утверждал, что во многих случаях эта зависимость имеет такой характер, который позволяет по динамике эволюции языковых структур определить события, к которым этот язык подготавливает общество. Помимо этого он высказывал и другие смелые идеи, но, к сожалению, оценить их обоснованность оказалось невозможно – вскорости произошли события, которые заставили Брайана скрыться и отменить публикацию своих статей.

Случилось следующее. Брайан при помощи якобы открытого им механизма создал несколько форсайтов грядущих событий, описание которых он зашифровал и разослал своим доверенным коллегам. Ключ к расшифровке они должны были получить по наступлению указанных в форсайтах дат. Это старый и проверенный прием для подтверждения истинности предсказания, исключающий возможность подлога и прочих манипуляций. Когда пришло время, он поделился с товарищами ключом, форсайты раскрыли и прочли. К невероятному удивлению тех, кого Брайан ознакомил с прогнозами, эти предсказания оказались весьма точным описанием только что свершившихся событий – событий, которые были восприняты ими как случайные или обусловленные естественными стохастическими причинами, не поддающимися предвидению.

– Я подчеркиваю это, – выделил советник, – события, которые предсказали форсайты Брайана, ни в коем случае не должны были утратить статус естественных и неожиданных для всех. Однако его предсказания поставили на этих планах крест.

Если верить тезисам Брайана, подобные события оказалось возможным предсказывать. Отсюда было недалеко и до влияния на них. Самым плохим в ситуации было то, что как минимум два из его форсайтов раскрывали информацию, которая могла быть известна лишь высшим политическим чинам. Только дюжина лиц в государстве знала о подготовке “случайной ситуации”, суть которой Брайан предсказал не только с исчерпывающей полнотой, но и назвал при этом дату, которая была едва ли не точнее той, которая считалась целевой для данного проекта.

Если допустить, что все его форсайты ограничились известными и попавшими в поле зрения госслужб, в общей сложности ему удалось предсказать два мероприятия, которые государство готовило в строжайшей тайне, а также одно очень серьезное событие из категории “черных лебедей” в мире финансов – оно также должно было быть отнесено людьми к категории непредвиденных явлений.

Учитывая то, что у Брайана не было большого авторитета, а также то, что теорию свою он еще не опубликовал, предпочтя заручиться демонстрацией результатов ее технологического применения – его заподозрили в нечистоплотности и в манипулировании секретной информацией.

– Простое объяснение не всегда самое верное, – негромко прокомментировал эти слова Тайлер.

– Не спорю, – ответил Уинстон, – но при отсутствии убедительной альтернативы оно становится рабочей гипотезой.

Так или иначе, персона Брайана подняла на ноги серьезных людей из высших эшелонов власти. Уже было не важно – воспользовался ли он на самом деле утечкой на самом высоком уровне секретности, или же каким-то чудесным образом обрел возможность угадывания планов, которые создавались на этом уровне – его деятельность стала представлять большую угрозу для политики. Причем, не только внутренней, но и внешней.

Его без труда нашли и пригласили на беседу в известное всем учреждение. На этой встрече он попытался убедить детективов в том, что не имеет никакого отношения к утечкам секретов, что не обладает более полной информацией, чем та, которая находится в распоряжении всех остальных жителей страны, и что единственный его интерес – научная работа. Он настаивал на том, что не понимает причину вызова и, в общем, действительно казался удивленным самим фактом допроса. Он сказал, что пришел сюда исключительно потому, что думал, что его идеи оказались интересными для госслужбы...

Беседа закончилась на том, что никакого обвинения ему не было предъявлено, однако, прощаясь, ему строго посоветовали не покидать места проживания и воздержаться от каких-либо публикаций. А в течение двух-трех дней он должен подготовить документ, в котором даст исчерпывающее объяснение того, как эти форсайты были получены *на самом деле*.

На следующий день он исчез. Его тут же объявили в розыск, при этом, естественно, провели приказ по категории общих формулировок – терроризм и т.п. Возможно, это было ошибкой, особенно, если допустить у него наличие контактов с кем-то из высших структур. Больше о нем никто не слышал. Он полностью пропал, не оставив ни одной зацепки, по которой его можно было бы найти – словно заправский мастер конспирации. В течение последних месяцев все попытки его поймать не дали результатов – он постоянно меняет места проживания, скрываясь от слежки, уходя в самый последний момент. Это, конечно, также добавило к его портрету самые невыгодные штрихи.

Окольными путями были перехвачены сведения о том, что он периодически контактирует с бывшими знакомыми по миру науки – судя по всему, продолжает заниматься своим делом, хотя об официальном трудоустройстве ему теперь нельзя даже мечтать. Были предприняты попытки связаться с ним и тактично предложить встречу с гарантиями свободы, но они не увенчались успехом. Похоже, у него уже сформировалось устойчивое недоверие к официальным структурам, граничащее с паранойей, которую усилила неизбежная в его положении депрессия. Впрочем, для некоторых его преследователей это стало косвенным подтверждением самой худшей из версий объяснения событий.

Закончив изложение этой истории, советник выключил планшет и посмотрел на слушателей.

– До появления этого рассказа Брайан Насу был для нас самостоятельной мозолью на ноге. Мы следили за ним, пытались поймать... пока, к сожалению, безуспешно... но это была рядовая проблема, каких много. Однако, сейчас, как вы должны понимать, учитывая его профессию и род деятельности – с нашей стороны будет непростительной ошибкой рассматривать феномен этого текста отдельно от Брайана.

– Думаете, за этим текстом стоит он? – спросил Тайлер.

– Не обязательно, – покачал головой Уинстон. – Однако исключать этого нельзя. В сущности, есть три варианта объяснения. Первый: Брайан действительно всего лишь воспользовался утечкой в высших эшелонах власти... Сразу скажу, что эта версия кажется наиболее вероятной на верхах, – эти слова Уинстон сопровождал тонким саркастическим смешком, продолжив: – Если это действительно так, то обнаружение и устранение этой информационной утечки очень важно в условиях, в которые нас поставил этот текст. Я думаю, нет смысла говорить, какой уровень секретности имеет этот проект. Вторая версия: Брайан на самом деле не виноват и просто является талантливым прогнозистом, которому по каким-то причинам удалось угадать ряд событий... В этом случае для нас крайне важным становится получение доступа к той технологии, которая позволила ему сформировать эти его

прогнозы. Ну и, наконец, третья версия: Брайан, работавший в области изучения влияния языка на психосоциальные феномены, каким-либо образом причастен к появлению этого странного текста. При таком сценарии нечего и говорить о том, как важно его найти.

Советник помолчал, давая время обдумать услышанное, и через минуту добавил:

– Я изложил эти версии в порядке уменьшения их вероятности. Мы основываемся на отзывах людей, как знавших этого Брайана лично, так и допрашивавших его у нас. Тем не менее, любая из этих версий является необходимым и достаточным условием для того, чтобы как можно скорее обнаружить его и взять под контроль. В лучшем случае – для всех, включая самого Брайана – с целью вовлечения в проект. В худшем... тут, полагаю, объяснений не нужно.

Генерал коротко кивнул, не дрогнув ни мускулом.

Советник повернулся к нему.

– Так что, Нил, твои предположения о том, что Брайан использует утечку информации, могут иметь серьезные основания. Наверное, нам стоило сказать тебе об этом раньше.

Генерал понял, как именно он должен ответить:

– Мы учтем эти сведения. Впрочем, я надеюсь, что нам не придется ссылаться на них в следующем отчете. Мы усилим контроль над внутренней информацией, круг людей с доступом будет сведен к минимуму.

Сенатор одобрительно наклонил голову и непривычно мягким тоном попросил:

– И еще, Нил... я отлично понимаю, что это несовместимые требования, но взять его нужно не только живым, но и, по возможности, не восстанавливая его против нас. Только живой Брайан сможет рассказать нам об источнике этих прогнозов – каким бы он ни был. Ошибки уже допущены, нечего их усугублять. Если меня не подводит моя интуиция, скоро у нас на просчеты не останется ни права, ни времени, – интонации в его голосе вернулись к прежним: – Тайлер, ваша группа должна быть сформирована в течение ближайших пяти дней. Финансовые вопросы не существенны.

– Это понятно, списком займусь сейчас же.

– Времени на уговоры и очные встречи у вас не будет. Надеюсь, ваш авторитет среди этих докторов и профессоров позволит максимально упростить формат объяснений. Это, кстати, пойдет на пользу – никакая информация не должна выходить за круг избранных лиц. К концу недели у нас должна быть готова группа, способная расколоть этот орешек. Не ограничивайтесь никакими специальностями: математики, лингвисты, кибернетики, социологи... хоть гинекологи с ядерщиками – если они нужны проекту, подключайте, не задумываясь. Даже если через несколько дней их работы выяснится, что это не более чем пустой трюк – тем лучше для всех нас. Поблагодарим за работу и вернем их в свои институты. Но если здесь есть что-то большее...

Уинстон прервал себя и несколько секунд с сомнением смотрел на свой планшет, словно борясь с желанием сказать или умолчать о чем-то. Наконец, справившись с сомнениями, он продолжил:

– На этот феномен обратили внимание очень крупные лица. Думаю, нет нужды объяснять причину их интереса... Признаюсь сразу – для всех нас было бы лучше, если бы этот текст оказался трюком или какой-то манипуляцией. Потому, что в обратном случае после его анализа настоящие проблемы у нас только начнутся...

– Если я правильно понял, – сказал Тайлер, – речь идет о скрытом внушении каких-то идей, которые абсолютно прозрачны в форме их донесения. И незаметны в процессе усвоения...

– Именно так, – советник поднял одну из ладоней, как бы останавливая Тайлера от дальнейшего озвучивания того, до чего тот успел догадаться.

– Как тот 25-й кадр в кино? – спросил Нил.

– Можно сказать и так, – ответил Тайлер, слегка улыбнувшись, – если не принимать во внимание, что “25-й кадр” является примитивной мистификацией, не имеющей подтверждения ни в теории, ни на практике. Обычная городская легенда.

Генерал решил в дальнейшем ограничиться репликами исключительно по существу дела. Уинстон помог ему, сменив тему:

– Нил, по поводу серверов в хостинг-центре, которые вчера взяли твои ребята. Попробуйте вычислить координаты публикатора. Я, конечно, не думаю, что человек, достаточно умный для создания подобного материала, мог легкомысленно отнестись к его размещению в сети, но сейчас для нас будет полезной любая зацепка.

Разработка планов и решение организационных вопросов затянуло собрание далеко за полночь. Тайлер оказался весьма деловым человеком – предложения и советы, которыми он делился по ходу обсуждения, свидетельствовали о том, что он умеет работать с людьми. По некоторым намекам, проскользнувшим в его речи, генерал догадался, что Тайлер – профессиональная прослойка между свободолобивыми либералами-интеллектуалами и прагматичным истеблишментом высших слоев государства. “Интересно, какие задачи ему доводилось решать?” – промелькнуло в голове Нила, но он быстро справился с этим праздным любопытством, так как знал, что подобная информация не раскрывается ни при каких обстоятельствах.

Тем не менее, прощаясь с ним, генерал ощутил, что уже почти преодолел в себе то недоверие и неприязнь, которые сперва вызвал у него этот человек. Нил Торрес уважал профессионалов, особенно, когда они идеально соответствовали своему месту, умело конвертируя индивидуальные черты в практический результат, полезный для дела и работодателей. Тайлер явно был из этой категории специалистов.

Отпустив всех, советник остался сидеть за столом, не ощущая в себе желания подниматься и выходить наружу. Его взгляд был опущен на зеркальный экран выключенного планшета, но Уинстон не видел отражающихся в нем голых стен и пустых стульев под ними – он думал о том, что с каждой минутой события становятся все меньше зависящими от него самого, все больше людей оказываются причастными к информации, которая до этой минуты считалось едва ли не тайной государственного уровня. В нем росло подозрение, что очень скоро предсказать последствия развития событий будет невозможно... и это было очень неприятное ощущение, от которого он успел отвыкнуть за долгие годы нахождения в высших эшелонах власти.

Впрочем, он верил, что сделал правильный выбор. Потому, что, если обнаружится, что текст на самом деле является тем, чем кажется – никакого выбора у них на самом деле уже не было.

продолжение следует